

СКАЗ О ТОМ, КАК ДВОЕ
ЗА ОДНИМ КАМНЕМ ХОДИЛИ

Юлия Скоркина

Сказ о том, как двое за одним камнем ходили

<https://litres.ru/74692164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказывают, жил на свете молодой ведьмак по имени Волкан. Был он сыном ведьмы и чёрного колдуна.

Пошёл однажды ведьмак в дальний путь, в Пятигорье — за белым камнем, чтобы спор выиграть да получить право на свадьбу с любимой.

Долог был путь, и всякого он повидал: духов и нежить, богинок да лешего с мертвяками. Но так ли важен камень, когда нужно заглянуть себе в душу — и услышать, о чём молчит родная кровь?

Мистическая история о долге и цене, о роде и памяти, о том, что иногда сила — не в том, что ты можешь взять, а в том, что ты можешь отпустить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юлия Скоркина

Сказ о том, как двое за одним камнем ходили

Глава 1

— Ну, полно, Волкан, — произнесла женщина, глядя на сына, уныло смотревшего в окно, — на девке свет клином не сошёлся.

За окном моросил мелкий дождь, размывая очертания леса. Капли барабанили по крыльцу избы, и от этого монотонного звука на душе Волкана становилось ещё тоскливее.

— Замолчи, мать! — рявкнул он. — Или думаешь, что я, как ты, с камнем вместо сердца?

Агния осеклась. Хоть сама не простой была, знала, какая сила в сыне кроется. Ни к чему Волкана было до греха доводить. Горяч да молод.

— Кому, как не Фоме, для Никитки своего, было к Вольге сватов засылать? — спустя некоторое время вновь начала Агния. — Самая красивая девка в округе, естественно, что Яким её дорого продаст.

— Дорого продаст, — передразнил Волкан мать. — Как будто любовь купить можно!

— Любовь, может, и нельзя, — пожала плечами Агния, — а чувства можно. В двадцать пять-то лет пора бы уж и уразуметь: не возмёшь силой — так и будешь в окно глядеть.

— Чувства? — переспросил парень. — Это ты приворот чувствами называешь?

Волкан с матерью жили отдалённо от деревни, почти в самом лесу. Ранее домов в Огнёвке было гораздо больше, а дом знахарки Матрёны замыкал улицу. Но в народе как ведётся: если всё хорошо, то знахарка нужна — и вместо лекаря, и вместо советника. А как что случись, она и виновата станет. Так и с Матрёной случилось.

С рождения Матрёна в Огнёвке жила. Мастерству у бабки своей училась. Каждую травинку знала — и от пьянства, и от горячки. Животину лечить могла, деткам малым боль заговаривала. С каждого дома хоть раз, да прибегал кто к Матрёниной помощи.

То лето особенно засушливым было. Люд с посевами мучился — высыхало всё от солнца палящего. Кто-то из деревни смекнул, что можно к знахарке обратиться. Поди уж, должна заклинание знать, чтоб дождь на землю призвать. Всей деревней к Матрёне и пришли.

— Помогай, Мотря! — кричат. — Трава гибнет, не то что урожай.

Сколь ни отнекивалась знахарка, что одно дело — травы дать попить полезной, и совсем другое — на Божью волю за-

махнуться, дождь на землю призывать. Не слушает люд деревенский. Знай, своё талдычит!

Отмахнулась Матрёна, сказав, что подумает, что сделать можно. Сказала это лишь бы ушли. Знала, что в таком деле она точно не помощник. Да только, как назло, прямо на следующий день небо словно прохудилось. Да так ливануло, что вода в колодцах прибыла. Деревенские обрадовались. К Матрёне дары понесли. Она и рада сказать, что и пальцем не пошевелила, да только не слышали её.

День дождь шёл. Зазеленела трава, деревья ветви к небу подняли. Второй день, третий, а вода с неба и не думает прекращаться. Народ снова к Матрёне повалил. Мол, ты дождь вызвала, ты и прекращай. И божилась Мотря, и крестилась — не поверил люд. Роптать начал. То, что раньше от засухи гбгло, теперь от переизбытка влаги и вовсе гнить в земле начало.

В один из дней проснулась Матрёна от стука в окно. Выглянула — стоит мальчонка соседский. На крыльцо вышла.

— Ты чего, Митька, тут?

— Тётка Мотря, мамка меня прислала, говорит, что из дома тебе бежать надо. Деревенские обозлились, сжечь тебя как ведьму задумали! — выдал Митька и убежал.

Матрёна стоит на крыльце, в рубахе исподней, простоволосая, слова мальчишки уразуметь не может. Столько лет спасала их! В ночи бегала, если звали, стужи не боялась, неслась на край деревни, коль помощь нужна кому была! А те-

перь ведьма?!

Словно разум у Матрёны помутился. В чём была, босиком, навстречу людям вышла. Кричит толпа, гневается, проклинает ту, что столько лет им от души помогала. Смотрит на них Мотря, глазам не верит. Откуда такая неблагодарность чёрная? Кто-то из толпы, доведённый до исступления криками общими, возьми да и кинь в Матрёну камень. Аккурат в лоб попал. Рассекло острие бровь. Пошатнулась Матрёна, руку к ране приложила, глядь — кровь на пальцах. Перевела взгляд на толпу, примолкшую от неожиданности.

И в этот момент гроыхнуло с неба. Молния, как струна тонкая, ударила в дом, что по соседству от Матрёниного стоял. Пробила крышу да в сеновал попала. В тот же миг и дождь стих. Сено сухое враз занялось. За сеновалом амбар вспыхнул. За ним хата пошла.

Люд деревенский и про Матрёну сразу забыл. Дом к дому, сарай к сараю, словно по цепочке дома огнём проглатывались. Не спас и ливень многодневный! Еле успевали хлева открывать да скотину на улицу выгнать. Семь домов дотла выгорело. Аккурат от Матрёниного дома.

С этого происшествия деревенские окончательно уверовали — Матрёна ведьма и вредить ей опасно. Только и сама знахарка как воды в рот набрала и больше в сторону деревни смотреть не смела. Погорельцам всей общиной кое-как хаты справили. Только не на старом месте, а с другого конца улицы.

С той поры от деревни до Матрёниного дома земля бурьяном да деревьями зарастала. Тропа, что раньше вела к знахарке, скрылась под густой порослью крапивы и чертополоха.

Ох и тяжело деревенским было. Теперь с каждой хворью приходилось по соседским деревням ездить. Наотрез Матрёна отказалась за неблагодарность им помогать.

Шли года. Понесла Матрёна, дочку родила. От кого — то неизвестно. Дочка Ирина росла сговорчивее матери. К деревенской ребятне играть бегала. Со временем кумушки болтливые засудачили, что не унаследовала Ирина ведьмовские качества матери. Больно уж приветлива была да легка в общении, в отличие от Матрёны.

Ко времени Иринка заневестила. Николай глаз на девку положил. Молодой, крепкий, многие девчата по нему вздыхали тайно. Только в Иринку Коля влюбился без памяти, да и она ему взаимностью отвечала. Увещевала Матрёна: не ходи в деревню, не примут они тебя. Навек так и останешься дочерью ведьмы. Только молодость своё берёт.

Обрюхатил Николай Иринку, да и жениться готов был. Только отец его ни в какую! Проклянун, говорит, коль ослушаешься. Не испугался Николай. Зыркнул на отца, как огнём обжёг. И молча выскочил из дома. Вслед проклятия сыпались. Мать кричала, да толку. Сын, что отец, упрямый, кровь горячая.

Ох и горькая судьба порой людям выпадает. Иль сами сво-

ими словами да делами человек беду притягивает.

Не понравилось матери Николая, что сын её из-за девки обычной поперёк семьи пошёл. Задумала она в дальнее село к ведьме съездить. Желание у неё одно было — отвадить Николая от Ирины. Ведьма, как водится, без особых эмоций выслушала негодующую мать и дала зелье, на травах настоящее. Наказала, как подливать его в питьё, да обещала, что спустя несколько дней отворотит жених от невесты лицо.

Возвратилась женщина домой, сама пошла к дому Матрёны. Хотелось ей показать сыну, что, мол, не враги ему мать с отцом и домой всегда открыта дорога. У околицы Николай мать встретил, обнял, успокоил, что не будет супротив отца и дальше гордыню проявлять. Только и они должны пообещать, что не станут козни чинить, а благословят на свадьбу. На всё мать согласна была, лишь бы сыночек домой приходил.

Дома уже с отцом пошепталась, сказала, что всё устроится, только нужно, чтоб Николай дома обедал.

Так и вышло. Пришёл Николай, глаза в пол, у отца за ретивость прощение попросил. Глава семьи обнял сына и сказал, что не держит зла. Три дня мать сыну в еду зелье подливала.

А спустя время занемог Николай. То ли зелье так колдовское жизнь укоротило, а может, судьба его такая была. Не смогла Матрёна зятя несостоявшегося спасти. Умер, до рождения дочки трёх месяцев не дожив. А в родах и Иринка

скончалась. Была любовь — и нет её, сторела вместе с болью сердечной.

Родители Николая поначалу хотели во всех бедах Мотрю обвинить. Да только осеклись, испугавшись, что коль прознается об их деле чёрном, самим несдобровать будет. Тяжело переживали они смерть старшего сына. А уж то, что сами к этому руку приложили, ещё больше мучило. До такой степени, что на внучку родную смотреть не могли. Словно она была тем наказанием, которое жгло совесть, напоминая об их злом деле.

Дочку Ирины Матрёна Агнией нарекла. Сама её воспитанием занялась.

Сразу Мотря почуяла, что та сила, которая Иринку стороной обошла, в Агнии затеплилась искоркой. Приложила она все усилия, чтоб развить у внучки способности к знахарничеству. Потому что знала: только так Агния сможет на плаву продержаться, когда бабкин срок жизни к концу подойдёт.

Шло время, старела Матрёна, крепла да хорошела Агния. С почтением внучка к бабке своей относилась. Да словно унаследовала от неё обиду на людей. Нет, она вовсе не чинила зла, хотя прекрасно понимала, что может, просто сторонилась людей. На помощь им приходила редко, чаще ставила себя так, будто выше она обычного человека, а потому не она в них, а они в ней нуждаются.

С годами росла и строптивость. А ещё желание стать выше бабки по способностям.

— Знахарка — это, конечно, хорошо, — рассуждала Агния, — только сила ведьмовская получше будет.

Но в знак уважения перед Матрёной не озвучивала Агния свой настрой.

А уж когда срок Матрёнин вышел да отдала она Богу душу, скрываться было не от кого. Собрала Агния узелок, дом на замок закрыла, да и пошла в одну из деревень, где, по слухам, сильный колдун жил. Двадцать лет ей тогда было.

Долго шла да упорно. В нужном месте дом колдуна сыскала и без страха внутрь вошла. Чем уж она хмурого старика взяла, то неведомо. Хотя почему ж неведомо, коль домой спустя два года воротилась Агния с Волканом на руках.

Многое ей старый колдун поведал, многому научил. Остаться в услужении у старика Агния и не планировала. Больно норов крутой у девки был. Ничего не побоялась — ни поспрамливания, что в подоле принесла, ни слухов, что бесстыжая. Своё дело метко знала. А что сын теперь по полу в доме ползал, так то на руку. Не собиралась она мужиков для женитьбы привечать. А хозяин в доме завсегда нужен. Вот она сама его и вырастит. Эту мысль она уж давно в душе вынашивала. И про то, что под обычного мужика не ляжет, знала наперёд. Расчётлива была Агния да хладнокровна, что тот чёрт.

Имя сыну старый колдун дал. Тут уж Агния перечить не посмела. Многим она старику обязана стала, так хоть уважить согласиём, раз уж жить вместе не пожелала.

Волкан рос крепким парнем. Черноглазый, волосы тём-

ные, что шёлк, да волной лежат. Ещё в отрочестве начал свои умения показывать. Да кто ж иного ожидал, если кровь отца колдуна да матери ведьмы в одну слились. Скотина его как заколдованная слушалась. Не нравилось ведьмаку с травами работать. Ему больше по душе была сила, в руках его сокрытая да в мыслях. Руки крепкие, ладонь широкая, горячая — сразу пульсировать начинала, стоило парню протянуть её к больному месту, и мыслями своими в голову человека проскользнуть умел. Глянет на кого глазами своими чёрными, и чудится, будто пламень внутри этих глаз горит.

Не обо всём, что умеет, Волкан рассказывал. Даже от матери кое-что скрывал.

Видел, за какие дела Агния могла браться, только сам имел свой взгляд на это. Если видел, что тёмное человек задумал, почти всегда от ворот поворот давал. Агния над ним потешалась да уводила раздосадованных просителей в свой закуток. Уж она-то смело и за рассорки, и за приворот бралась. Мало её волновало, кто чего хочет, а кто не хочет, главное, что уплачено, а уж опосля сами разбирайтесь.

Волкан же ратовал за чистую любовь. Что угодно мог сотворить, только за приворот и отворот никогда не брался. К слову сказать, что людей, в отличие от матери своей, парень уважал. Старался со всеми держаться в хороших отношениях.

Мальцом в деревню бегал, с ребятней дружбу водил. На Вольгу Волкан глаз положил ещё тогда, когда всей гурьбой

пескарей на мелководе ловили. Росли дети, росла и любовь молодого ведьмака. А уж когда Вольга из угловатой щепки в девушку превратилась, пуще прежнего любить стал.

Захоти он, вмиг бы и её саму полюбить себя заставил, да и отец еёный не помеха бы стал. Только такая любовь ему не нужна была. Да и Вольга к нему сама льнула.

По вечерам, когда солнце садилось за верхушки сосен и окрашивало реку в медные тона, они подолгу сидели на берегу. Вольга плела венки из луговых цветов, а Волкан смотрел на неё и думал, что нет в мире ничего прекраснее этого момента.

В мечтах девичьих видела Вольга, как позволит Яким, её отец, им с Волканом под венец идти. Но то мечты. На самом деле боялась она, что не бывать этому. Сын ведьмы, безотцовщина. И не важно, что дом их был не намного меньше, чем изба самого Якима, — репутация дороже.

— Пойду к Никите, — угрюмо произнёс Волкан. — Упрошу, чтоб от Вольги отступился.

— Иди, иди, дорогой, — еле слышно ответила Агния, когда дверь за сыном закрылась. — Пора и мне кое-куда сходить.

Вытерев руки о передник, поправив платок на голове, вышла Агния из дома и окольной тропой к деревне направи-

лась.

Тропа вилась меж высоких кустов бузины. Вечернее солнце пробивалось сквозь листву, рисуя на земле узор из светлых и тёмных пятен.

— Отступись, Никита, — с жаром произнёс Волкан, вплотную приблизившись к парню. — Ведь не любишь Вольгу, так зачем и мне, и ей жизнь испортить хочешь?

— Правда, — самодовольно ответил Никита, — не люблю. Только всё одно Вольга моей будет. Так отец хочет, а мне супротив него идти не выгодно.

— Ты же старший сын в семье, наследник, — вновь произнёс Волкан, — ткни пальцем в любую, Фома Митрич даст добро!

— Незачем мне, Волкан, отца гневить, — равнодушно ответил Никита. — Пока моего сердца любовь не коснулась, а вот красота Вольги очень даже. И потом, с чего ты взял, что Яким Афанасьевич за тебя Вольгу отдаст?

На самом деле Никита был парнем неплохим. Может, сызмальства набалованным. Слишком уж мягкотелым. Руками в хозяйстве не работал, скотину не пас. Да и зачем, если его отец был одним из самых зажиточных людей в деревне? За хозяйством присматривать народ нанимал.

Окромя Никиты, в семье было ещё трое детей — младшие сёстры. Вот за них голова у Фомы Митрича болела. На приданое зарабатывал денно и ночью. Быт и работа были годами

налажены. Часто Фома Митрич из дома уезжал, Никиту за старшего оставляя. Вот и вёл себя парень по-барски. Не интересно ему было с мальчишками по полю саранчу ловить. А уж как вырос, так и вовсе почти перестал с друзьями общаться.

Правда, злобным или мстительным Никиту назвать было нельзя. Скорее ленивый да неконфликтный. Больно уж ему неуютно было, если от него требовалось какое решение важное принять.

Оттого Фома Митрич и решил к Якиму сватов заслать, чтоб в жёны сыну девка рукастая досталась. Да и хозяйство приумножить был не прочь. Вольга же действительно была бы женой на зависть. И шить, и вязать умела, и по кухне хлопотала так, что и матери дел не оставляла. За скотиной присмотреть могла, руки без дела не оставались. Никитке, по сути, всё равно было, ему и так хорошо жилось. Ну а коль отец уж принял решение, то суматошиться незачем. Тем более чего уж греха таить — Вольга внешне была очень хороша.

— А ты возьми и сам к отцу сходи, — вдруг выдал Никита, видя расстроенного Волкана. — Я преград чинить не стану. Сможешь отца уговорить отступить, так я и не против, — лениво потянувшись, закончил Никита.

Яким Афанасьевич сидел за столом и шумно отхлёбывал дымящийся чай из блюдечка.

— Тьфу ты, — вдруг резко дёрнулся он, бросив взгляд в угол, — до чёртиков напугала! Ты как вошла-то? — спросил он и машинально выглянул в окошко.

— Ножками, — широко улыбнувшись, ответила Агния. — Да не пугайся, меня никто не видел.

— Чего надо? — сурово выдал мужик, исподлобья глянув на ведьму.

Агния подбоченилась и с некоторым вызовом посмотрела на Якима.

— Что ж ты, Яким Афанасьевич, сынка моего чураешься? Иль забыл, кто сделал так, что тебя, пришлого, в деревне за своего посчитали? Добился бы того положения, что сейчас имеешь, ежели бы не мои шепотки?

— Ну почему забыл, — строго произнёс Яким. — Я добро помню. Да только оплачено тебе за помощь было. К чему сейчас старое вспоминать?

— А к тому, что знал ведь, как мой Волкан по Вольге твоей сохнет, а добро на свадьбу хочешь Фоме дать.

— Ну полно, Агния! — воскликнул Яким. — Ведьмин сын да с моей красавицей!

— Брезгуешь, значит, — прищурившись, прошипела Аг-

ния.

Чаще застучало сердце Якима. Знал, что с ведьмой ссориться себе дороже, но и сдаваться не собирался.

— А хоть бы и так, — вдруг выпалил он, — думаешь, управы на тебя не найду? Ишь, запугивать решила! Не чета твой Волкан дочери моей, и всё тут.

— Всё так, всё так, — неожиданно спокойно ответила Агния и повернулась, чтоб уйти. — Только смотри, Якимушка: на меня-то управу найти ты сможешь, а на тех, кого ночью тёмной из могилы подниму да дорогу к дому твоему укажу, вряд ли.

— Пстой, Агния, — схватил её за руку Яким Афанасьевич, — негоже нам с тобой ссориться. Только что ж я теперь изменить могу, раз Фома уже на днях со сватами ко мне в дом придёт?

— А то уж не моё дело, — ответила Агния. — Придумай что-нибудь. Да помни: если от тебя Волкан узнает, что мы этот разговор вели, прокляну.

Из дома Якима Агния вышла такой же незамеченной, как и вошла.

Спустя два дня с лошадьми да песнями подкатил Фома Митрич с Никитой к дому Якима. Народу полдеревни сбегалось, зная, что Никита с отцом на уговорки приехали.

Отворились ворота, впуская во двор дорогих гостей. Фома с сыном сошли с повозки и широким шагом направились внутрь. Вольга с матерью и отцом встречали их, стоя на крыльце. Мать, Пава Савишна, держала за руку дочь, на которой лица не было.

— Доброго дня, Фома Митрич, — поприветствовал Яким будущего свата. — С чем пожаловали?

— А с предложением, Яким Афанасьевич, — ответил ему Фома, — у вас товар, у нас купец.

— Да не один купец-то! — вдруг раздалось из толпы. Люд деревенский расступился, и во двор Якима вошли Волкан и Агния.

Зашелестел народ, зашушукал и шире в стороны разошёлся, желая подальше от ведьмовской четы оказаться. А стояло матери с сыном войти во двор, вновь волной хлынули, да поближе. Страх-то, оно, конечно, страх, да только любопытно-то как!

— Ой! — только и раздалось с крыльца, и Вольга крепче сжала руку матери.

У Якима лицо побагровело. Так уж он мечтал, что не захочет ведьма пред людьми светиться, а оно вон как вышло. Стоит Агния, платком чёрным лицо подвязала, холодно смотрит. Да и Волкан не лучше. С вызовом глядит. Плечи расправил, подбородок кверху задрал, волосы, как зеркало, отливают на солнце. Как есть жеребец породистый, ретивый.

Тишину нарушил изумлённый Фома Митрич:

— Это как же, Яким, понимать?

Яким молчал.

— Давеча уговаривались, — продолжил возмущённый отец, — а оно вон как выходит. Непорядочно это!

Ещё больше раскраснелся Яким. Хоть сквозь землю провалились. Удавить бы эту ведьму, гадину, да только боязно беду на род накликать. Делать нечего, шумно выдохнул Яким и говорит:

— На меня не пеняй, Фома Митрич. Сам видишь, для меня это тоже новость! Только как же теперь быть, не знаю, — пожал плечами мужик.

— А ты спроси, Яким, дочку свою, — хитро прищурившись, обратилась к нему Агния. — Чай, тоже чувства у ней имеются.

От злости Яким стоит, кулаки сжал, желваками заиграл.

— Не тyani, Яким! — взревел Фома Митрич. — Неужто позор такой терпеть буду?

— Не обессудь, Фома, — развёл руками Яким, — давай по-честному. Пусть судьба сама решит, кому моя Волюшка в жёны достанется. В Пятигорье, знаю я, отшельник старый живёт. Сказывают, мудрость его бесконечна. Приходят люди к нему с делами разными. Кто с вопросом, кто с бедой. И даёт он в ответ камень. Ежели белый в руку положит, значит, всё хорошо у человека будет и сложится дело его ко благу. А если чёрен камень отдаст, знать, отвернулась судьба от человека. Так вот, кто с белым камнем от него воротится, тому

и Вольгу в жёны брать.

От такого поворота все притихли. Тишину нарушил разгневанный Фома Митрич:

— Ты в своём ли уме, Яким? С ведьминым отродьем соперничать мне? Не бывать свадьбе!

Резко развернулся Фома и уже хотел уйти со двора, да какой-то смельчак из толпы возьми и крикни:

— Право слово, Яким Афанасьевич, лучше уж сразу отдавай свою красавицу Волкану. Где уж Никитке, увальню, с ним тягаться!

Загототала толпа, Агния подхватила, да так заливисто. Поражённый такой дерзостью, со злобой Фома на сына глянул. Стоит Никита, красный как помидор. И так стыдно Фоме за него стало, что аж горло сдавило. Сам Фома и сейчас, в возрасте, сохранил силу да стать. А сына упустил, проглядел, когда удаль молодецкая ленью обрастать стала.

— Будь по-твоему! — воскликнул Фома Митрич.

Тут уж пришёл черёд Якиму удивляться. Не думал он, что Фома согласится на уловку эту, зная мягкотелость Никиты.

— Пятигорье, так Пятигорье, — продолжил он, — только знай, век тебе этот позор не забуду!

Резко развернувшись, широкими шагами пошёл Фома прочь со двора. Никита поторопился вслед за отцом.

— Ну, Фома, — бубнила про себя Агния, собирая сыну туесок с едой, — не ожидала от него такой изворотливости.

— Что говоришь, мать? — не расслышав слов Агнии, переспросил Волкан.

— Ничего, ничего, — поспешно сменила тему она. — Говорю, что глупый ты у меня. Только время терять, да ещё неизвестно, что там за отшельник.

Волкан молча смотрел на мать.

— Ежели отшельник тот человек Божий, то не видать тебе Вольгу, — продолжила Агния. — Силу твою вмиг узрит. Ты для него потворщик бесовской, неужто не понимаешь?!

— И что ты предлагаешь? — растерянно спросил парень.

— Знамо дело что: призови силу да поворачи всё так, что Яким сам придёт и Вольгу за собой притащит.

— Опять ты, мать, начинаешь! — вскочил с лавки Волкан. — Не нужно мне благословение да любовь ведьмовством накрученная!

Вздыхнула Агния. Не своротить сына. Эка так вышло, что и мать, и отец с бесовщиной дружат, а у чада, погляди ж ты, душа о черноту мараться не хочет?!

— Не начинаю! — вдруг зло прикрикнула Агния. — Только как бы тебе твоё добро боком не вышло!

Волкан взял себя в руки, не желая ругаться с матерью пе-

ред долгой дорогой. Он любил мать, был благодарен ей и за силу, и за уроки, которые помогли этой силой овладеть. Но больше за то, что не диктовала свои условия. Конечно, как матери ей хотелось счастья для сына. Тем более когда то, что она считала счастьем, можно было получить привычными для неё способами. Ведьмак же под счастьем подразумевал совсем другое.

Ранним утром, когда туман ещё стелился по земле, размытая очертания деревьев, Волкан прощался с Агнией у крыльца. Он по-детски уткнулся ей носом в шею и крепко обнял.

— Думай обо мне, матушка, — сказал он, зная, что и на расстоянии Агния будет его чувствовать и сможет помочь.

— Уж в этом не сомневайся, — с ухмылкой ответила Агния, целуя в лоб склонившего голову Волкана.

Глава 2

День был в самом разгаре. Солнце палило нещадно, заливая поля пшеницы. По обе стороны от тракта колыхались золотые колосья. Ведьмак бодро шагал по пыльной дороге в сторону Пятигорья. Путь был не близок, и в уме он уже прикинул, где и когда можно будет расположиться на привал.

И когда к вечеру вдалеке замаячили крыши домов, парень свернул с дороги и двинулся в их сторону. Не прошёл он и половину пути, как вдруг его окликнули.

Голос Никиты Волкан узнал сразу. Остановившись, парень дождался, пока тот его нагонит. Вид Никита имел изнурённый. С непривычки протопав почти весь день, он явно устал. Двадцать четыре года, а всё как дитя — непривычный к дороге, к труду. Не то что Волкан, который с малолетства в лесу пропадал. Ведьмаку его даже жалко стало.

— Плоховато выглядишь, братец, — слегка улыбнувшись, сказал Волкан.

— Чувствую себя так же, — уныло отозвался Никита, ладонью смахивая с раскрасневшегося лица пот.

— Давно за мной идёшь? — поинтересовался Волкан.

— Да почти с дому, — словно виновато ответил незадачливый путешественник. — Я ведь, по правде сказать, сам-то без отца дальше нашей деревни и не хаживал, а уж пешком тем более. Вот и подумал...

Никита замолчал и посмотрел на ведьмака.

— Правильно подумал, — ответил он, хлопнув Никиту по плечу.

Волкан не испытывал к Никите плохих чувств. То, что произошло, было не его виной, так чего зря ругаться да обижаться на человека.

От этой фразы Никита даже как-то выпрямился. Полагая, что тот винит его в случившемся. Втайне Никитка вообще мечтал отсидеться где-нибудь, никуда не ходить. А уж через время вернувшись, сказать, мол, не судьба, Волкан белый камушек получил. Тогда б выходило, что и наказ отцов выполнил, только не свезло. Но, справедливо поразмыслив, понял, что отсидеться вряд ли получится. Попросту негде, а не ходить вообще стыдно и перед отцом, и перед людьми. Вот Никита и подумал, что пристроится немного поодаль Волкана, пройдя за ним путь туда и обратно. Так ему казалось безопаснее. А увидев, что Волкан собирается проситься на ночлег, испугался, что поутру потеряет его из виду, тогда и решил окликнуть.

Деревенька, к которой они подошли, словно спала. Солнце уже клонилось к закату. Из труб вился ленивый дымок, и пахло скошенной травой. Где-то мычала корова, а у старого «журавля» гремела вёдрами баба.

Дойдя до первой избы, ведьмак остановился. Он внимательно рассматривал дом, а потом шёл к следующему. На седьмом по счёту Никита не выдержал.

— Да чего ты хочешь, не пойму? — сказал он. — От дома к дому идёшь и никак не выберешь. Тебе ж не жить в нём, а ночь скоротать да в путь.

— Чего хочу, сам знаю, — отозвался Волкан, переходя к очередному дому. — Я тебя не заставляю за мной по пятам ходить, иди и стучись в любой. А мне определённый нужен.

Никитка насупился, но так и продолжал следовать за ведьмаком. Примерно на середине деревни парень резко свернул к небольшому домику.

— Наконец-то, — со вздохом закатив глаза, процедил Никита.

На стук в дверь вышла женщина средних лет и с удивлением уставилась на путников.

— Мира в дом, матушка, — слегка склонив голову, поздоровался ведьмак. — Пусти на постой, ночь скоротать.

— Да мне и положить-то вас особо негде, — развела руками женщина.

— Нам и сеновала хватит, — ответил Волкан.

— Ну раз так, проходите, чем богаты, — произнесла хозяйка, пропуская путников в сени. — Вы в кухню идите, — напутствовала она, — хоть чаем вас напою, а уж потом укажу, где улечься можно. Меня Галиной звать.

В ответ ей представились и Волкан с Никитой.

Миновав маленькую кухоньку, путники оказались в просторном помещении, из которого ещё одна дверь вела в смежную комнатку поменьше. Убранство дома было небога-

тым. В одном углу расположилась большая печь, обогревавшая сразу оба помещения. Кровать, стол с лавками по бокам, стоящий посередине, и большой деревянный шкаф составляли всю нехитрую обстановку. Вход во вторую комнату был занавешен. Оттуда периодически доносился затяжной лающий кашель. Было понятно, что кашлял ребёнок.

Вдруг занавеска распахнулась, и в комнату влетела девочка лет десяти.

— Здравствуйте, — поздоровалась она, с интересом рассматривая гостей.

Вновь послышался кашель, и Волкан перевёл взгляд на занавеску.

— Это Санька кашляет, он болеет, мамка знахарку звала, тятка дохтура привозил, а и не помог никто, — наивно выдала речь девочка, разводя руки в стороны.

— Тоська, балбеска, — раздался сердитый голос матери из-за спин ребят. — Опять болтаешь без умолку! Спасу от тебя нет!

— А чего я сказала-то? — вспыхнул ребёнок.

— А ну, тикай отсюда, балаболка!

Женщина погрозила дочери пальцем, и ту словно ветром сдуло из комнаты.

— А что же с сыном вашим? — поинтересовался Волкан, когда хозяйка усадила их за стол.

Женщина тяжело вздохнула.

— Не знаю, — прямо сказала она. — Ничего не помогает,

уж месяца с три маемся. Душит кашель, аппетита нет. Санька и так-то хилый, а тут ещё и прицепилось невесть что. И травами поили, и молитвы знахарка читала. И лекарства, что доктор прописал, — всё пустое. Чахнет на глазах, того и гляди на тот свет отойдёт.

Галина взялась за край передника и поднесла его к лицу, вытирая выступившие слёзы.

— Посмотреть можно? — спросил Волкан.

Хозяйка неоднозначно пожала плечами и махнула рукой в сторону комнаты, жестом давая согласие.

В помещении, где лежал мальчик, было сумрачно. Задёрнутые занавески фактически не пропускали свет, и лишь в щёлке между ними пробивался тонкий луч закатного солнца, высвечивая пляшущие в воздухе пылинки.

— А почему так темно? — спросил парень.

— Так при свете дня ещё сильнее кашлять начинает, — ответила вошедшая за Волканом в комнату мать.

Парень подошёл к кровати, на которой лежал тщедушного вида мальчонка лет шести. Бледная, почти до синевы, кожа обтягивала маленькую светловолосую головку. Под глазами залегли тёмные круги. Бескровные губы были слегка приоткрыты. Ведьмак сел на краешек кровати, и мальчик открыл глаза.

— Где болит? — почти шёпотом спросил Волкан.

Мальчонка указал себе на грудь и вмиг разразился приступом сухого кашля. Лицо ребёнка скривилось от боли.

Ведьмак положил свою большую ладонь на грудь мальчика и закрыл глаза. Под опущенными веками заплясали чёрные змеи. Посидев ещё с минуту в молчании, Волкан обратился к женщине:

— К знахарке ходили, чего она сказала?

— Да ничего особого, пошептала над ним, травы заваривать дала и домой отправила, — ответила Галина. — Сказала, что через неделю поправится, а оно вон чего.

— А в травах чертополох был? — вновь задал вопрос Волкан.

— Нет, — немного подумав, ответила женщина, — чертополоха точно не было.

— Ну что, паря, лечиться будем? — вдруг громко сказал ведьмак и, поднявшись с постели, подошёл к окну. Раздвинув занавески, он подбоченился и уставился на Саньку, который тут же начал без перерыва кашлять.

— Да ты что хоть?! — спохватилась мать. — Он и так того гляди Богу душу отдаст, а ты ещё и торопишь!

Она кинулась к окну и уже протянула руку, схватившись за ткань, как вдруг Волкан ловким движением её отодвинул.

— Баню иди топи, хозяйка, — скомандовал он.

На громкую речь в комнату вошли все, кто был в доме. Тоська выглядывала из-за спины пришедшего с коровника отца. Мужчина хмуро, исподлобья смотрел на чужаков и играл желваками. Никита привычно втянул голову в плечи и ждал развязки.

— Петро? — умоляюще протянула Галина, глядя на мужа.

— Хочешь наследника своего живым видеть, делай, что я скажу, — серьёзно сказал Волкан, обращаясь к главе семейства.

Мужчина недобро сощурил глаза и внимательно изучал незнакомца. Твёрдость во взгляде молодого гостя поселила в душе какое-то странное ощущение. Его глаза словно дарили надежду. И, развернувшись, Петро вышел из дома.

— А теперь слушай меня, хозяйка, — обратился Волкан к женщине. — Найдёшь мне чертополоха и четверговую соль, и то и другое на полках оставишь. А как знак подам, войдёшь в баню, громко гремя и выкрикивая.

— А чем греметь-то? А кричать чего? — только и спросила она, опешив от такого приказа.

— Да хоть чем, — спокойно давал наставления парень. — Черпак возьми да ведро пустое. И стучи по нему, как только к двери подойдёшь. А кричать... Так хоть песню пой, главное громко.

Женщина побежала искать просимое, а в это время вернулся Петро и вопросительно уставился на Волкана. Тот жестом указал всем выйти из комнаты. Санька всё это время так и продолжал безостановочно кашлять.

— Грудица у сына твоего вот здесь поселилась, — тихо произнёс ведьмак и приложил свою широкую ладонь к груди мужика. — Одна из сестёр Лихоманок. Мучает его, сердце сжимает и вдохнуть не даёт.

Мужик и рядом с ним стоящий Никита застыли с открытыми ртами.

— Не веришь, — усмехнулся Волкан, — а как баня готова будет, бери сына и приходи туда. Простынь чистую захвати. Сам всё увидишь.

Пока баня топилась, пока мать Саньки нужное принесла, время к вечеру подошло. Небо на западе горело багровыми и золотыми красками. Над деревней кружили ласточки, вылавливая зазевавшихся мошек.

Волкан снял висевшее на стене бани железное корыто и заперся в парной. Поставил корыто на полок, налил в него кипятка, высыпал часть соли и, подождав, пока она растворится, кинул в воду сухой чертополох. Воздух в бане вмиг наполнился медовым ароматом. Закончив приготовления, парень дал отцу Саньки знак, чтоб он нёс сына в баню.

Поставив мальчика на лавку, Волкан освободил его от одежды и бережно внёс в парную, усадил в корыто. Ежесекундно мальчик кашлял. Уж и сил, видимо, совсем не осталось, уже и дышал через раз, на вдох перерыва не было. Через рвотные позывы выбивались из груди хрипы вперемешку со свистом. Петро вошёл за ними в парную и плотно затворил дверь.

Ведьмак подхватил оставшуюся соль и стал тихонько натирать ею спину и грудь ребёнка. Затем, зачерпнув ковшиком воду, принялся лить её Саньке на голову, читая заговор. Сначала еле слышно. Стоящий рядом мужик изо всех сил напрягал слух, чтоб хоть слово расслышать. Мальчик меж

тем начал кашлять ещё сильнее.

Волкан всё лил и лил воду, раз за разом читая заговор громче и громче. Начав читать четвёртый раз, ведьмак почти перешёл на крик:

— Ты иди, Грудница, к тому, кто тебя боится!

В этом доме боле нет для тебя доли!

В этом доме боле нет от тебя хвори!

Это раньше тут от тебя страдали,

Давеча боялись, да теперь перестали!

Как только он выкрикнул последнее слово, в Саньку словно кол воткнули. Резко выпрямившись, ребёнок закатил глаза и, откинув голову назад, неестественно широко открыл рот. Изо рта клубами начал выходить чёрный дым, заволакивая небольшое помещение парной едким запахом.

— Держи его, — коротко скомандовал парень отцу, а сам вышел за дверь и окрикнул мать Саньки. Женщина, как и уговаривались, ступила на порог бани, что есть силы стуча по пустому ведру железным черпаком и выкрикивая нечленораздельные звуки. Ведьмак настежь открыл все двери и, вторя женщине, что было мочи прокричал заговор в последний, пятый раз.

И прямо на них из парной чёрной массой вылетел, змеясь и петляя, столб удушающего дыма. И вмиг вокруг стихло.

Волкан вернулся в парную. Там стоял белый как мел отец мальчика и держал обмякшего сына на руках. Обернув мальчика в чистую простыню, ведьмак велел его уносить в дом и до

утра не тревожить.

Уже ночью, сидя за столом, Петро выпрашивал, как Волкан узнал о том, что не болезнь вовсе у сына оказалась. Бледный мужик только сейчас начал приходить в себя. Увидев, как изо рта Саньки вырвались полупрозрачные чёрные змеи, он сам чуть не потерял сознание. И только то, что нужно было крепко держать сына, придавало ему сил. Когда обмякший и затихший Санька упал к нему на руки, он вместе с ним осел на пол, поражённый увиденным.

Конечно, Волкан не стал вдаваться в подробности. Помог — и то хорошо, ни к чему простым людям знать то, что не должно. Для их же сохранности.

Утро выдалось ясным и свежим. Трава переливалась россыпью серебристых росинок. Едва поднявшееся солнце мягко золотило крыши деревенских изб. Весь следующий день Волкан и Никита пробыли в доме Саньки дорогими гостями. И лишь удостоверившись, что малыцу более ничего не угрожает, и распрощавшись с Петром и Галиной, путешественники пошли дальше.

— Ты ведь не просто так долго дом искал, правда? — спросил Никита, когда они отошли от деревни на приличное расстояние.

— Не просто, — кивнул в ответ Волкан. — Особенность имею: чужую хворь чую. И не только хворь.

Дорога теперь шла через перелесок. Вдоль стояли высокие сосны, пропуская косые солнечные лучи.

Тяжело было унять мысли Никите. То, что совершил Волкан, он видел впервые. Баяла ему нянька про дочек Мораны, про двенадцать сестёр Лихоманок. Но то ж сказки, считал он. А тут раз — и вмиг сказка явью стала.

Волкан шёл и улыбался сам себе. Он видел, как борется в его попутчике любознательность со страхом, а потому сам начал.

— Сказки, Никита, тоже не с пустой головы берутся, — сказал он. — Много по свету гуляет хворобы, и не вся она по понятным причинам происходит. Давеча я пять раз заговор читал, потому что Грудница — пятая сестра. У каждой Лихоманки свои особенности. Мамка сказывала, что было дело, целные деревни вымирали из-за них. Я от каждой заговор знаю. А кровь во мне ведьмовская позволяет им преграды чинить. Ты, Никит, не забивай себе голову тем, что не нужно. Каждому своё ведь. И попрошу тебя никому не сказывать, чего видел. Ворожба да магия огласки не любят.

А Никитка и правда расспрашивать дальше расхотел. Страшно всё это оказалось, непонятно. Сам и перевёл разговор в другую сторону...

Глава 3

Через поля и рощи шли ребята дальше. Знойный день клонился к вечеру. Багровые цвета раскрашивали небо на западе. Над полями стелилась лёгкая дымка.

— Надобно про ночлег уже подумать, — подал голос уставший от долгой ходьбы Никита.

— Под небом ночь скоротать не хочешь? — задал ему вопрос Волкан. — Чтоб к деревне пройти, надобно в сторону сворачивать, а завтра сызнава сюда возвращаться. Может, время терять не будем?

Скривился Никитка, как подумал, что на земле спать придётся. Оно днём-то, конечно, жарко, а ночами туман сырой по низине стелется. Да и не привыкший он спать под звёздами.

— Долгая нам дорога предстоит, — забухтел он, — на земле спать — совсем без отдыха остаться. Да и сыро ночами.

Волкан со вздохом посмотрел на толстые бока попутчика и, ничего не сказав, свернул на уходящую вправо дорогу. Подходя к деревне, издали они услышали, как гармонь поёт. Видать, праздник какой-то справляли деревенские.

— К месту ли будем? — нахмурился Волкан. — Может, всё-таки под открытым небом ночь проведём?

— Брось, — взмолился Никитка, — глядишь, ещё и накормят путников уставших.

— Всё бы тебе о еде думать, — попытался вразумить его Волкан, но тот его уже не слушал, прибавив шаг.

Деревня встретила путников праздничным гомоном — воздух густо пах свежим хлебом и хмельной медовухой. Справляли шумную свадьбу, и первый двор был полон гостей. Распахнутые настежь ворота говорили о том, что сегодня тут рады каждому. На длинном столе, покрытом белыми полотнами, стояла закуска. Гармонист, сидя на пеньке, выдавал задорные частушки. Звенели стеклянные стопки, в которых плескалась мутно-жёлтого цвета жидкость. Выкрикивая пожелания молодым, гости веселились.

Едва путники приблизились к воротам, как к ним навстречу выскочила проворная старушка.

— Вы чьих, ребятки, будете? — спросила она.

— Завернули мы к вам в деревню случайно, — начал Волкан, — ночь под крышей скоротать попроситься.

Не успела старушка и рта раскрыть, как к ним подскочила толпа хохочущих девок и, взяв Никитку под руки, утащила к столу. Волкан и ухватить его не успел. Нахмурившись, он глянул на старую женщину.

— Ну что ж, — развела руками она, — на постой, так на постой. Меня бабкой Аксиньей кличут. Сами видите, в какой момент пришли. В такой день путникам не отказывают, вдруг вы счастье с собой носите.

— Кому-то счастье уже привалило, — буркнул Волкан, смотря, как сидящий за столом Никита уминает хозяйское

угощение.

Старушка проследила за его взглядом и бесхитростно улыбнулась.

— Ты, милоч, тоже ступай за стол, выпей за счастье молодых, а ко времени я вас спать уложу. Найдём местечко.

Волкан благодарно склонил голову. Садиться за стол рядом с Никитой он не стал. Проводить время в окружении краснощёких девок ему вовсе не хотелось. А Никитка явно пришёлся ко двору. Он гоготал над частушками вместе с девушками, а потом и вовсе в пляс пустился. Куда только вся усталость делась. Пляски Никиты подхватили и местные ребята. Праздник был в разгаре.

Ведьмак немного поел и предпочёл отойти в тень стоящей во дворе яблони. Он неспешно разглядывал молодожёнов. Жених, раскрасневшийся то ли от медовухи, то ли от любви, смотрел на свою забавушку полными страсти глазами. Невеста вела себя скромнее, но было видно, что и она шла под венец не по наказу, а по любви. Порадовавшись за молодых, Волкан продолжил изучать гостей.

И вдруг он почувствовал на себе взгляд. Парень покрутил головой, пытаясь понять, кто на него смотрит, но в мельтешащей толпе так и не смог этого сделать. От взгляда того становилось неуютно. Создавалось впечатление, что кто-то его прощупывал, изучал, сантиметр за сантиметром, явно понимая, кто перед ним сидит. В какой-то момент парню это надоело, и он, шепнув нужное слово, поставил на себя непро-

гляд. Спустя несколько минут взгляд, изучавший его, исчез. День подходил к концу, некоторые гости уже начинали разбредаться. Те, кто помоложе, продолжали веселиться. Волкан бросил взгляд на Никиту. Тот, разгорячённый медовухой и весельем, петухом обхаживал одну из местных красавиц. Пышнотелая, черноволосая, коса толстая через плечо, женщина была явно старше Никиты, но это его не смущало. Он преданно заглядывал ей в глаза и держал за руку. Волкан хмыкнул и, решив, что это не его дело, вышел со двора, чтобы пройтись по деревне, пока не совсем стемнело. Не привыкший к шуму, он решил спрятаться от суеты, отойдя от гуляний подальше.

Сумерки медленно опускались на деревню, укутывая избы в шубы теней. Над огородами кружили стрижи, прощаясь с уходящим днём. Побродив в одиночестве, погружённый в свои мысли, ведьмак не заметил, как на землю опустилась прохлада. Решив, что пора думать об отдыхе, он направился обратно и увидел, как навстречу ему бежит Никитка. Парня изрядно пошатывало, на его лице застыла блаженная улыбка.

— Волкан, наконец-то я тебя нашёл, — слегка заплетающимся языком начал Никита. — Пойдём, нам готовят ночлег, я всё решил.

Рассудив, что внятно объяснить, кто и что им готовит, Никитка вряд ли сможет, Волкан просто последовал за ним. Но вместо того чтобы пойти в дом, где им обещала ночлег бабка Аксинья, Никита повёл его в другую сторону.

— Постой, Никита, — взяв парня за руку, остановил его Волкан. — Нам обещали ночлег в другом доме.

— Обещали в одном, а позвали в другой, — виновато развёл руками Никита. — Послушай, ну какая тебе разница, где спать?

И только тут ведьмак заметил, что у той избы, где они сейчас беседовали, стоит женский силуэт и внимательно слушает их разговор.

— Где спать, мне нет разницы, — взялся объясняться ведьмак, — но мне есть разница, во сколько мы сможем пойти дальше! Тебе нужно лечь спать прямо сейчас.

Силуэт двинулся по направлению к ним, и в подошедшей женщине Волкан узнал ту самую черноволосую красавицу, к которой так жарко льнул Никитка.

— Ну, — спокойно произнесла она, положив руку на плечо ведьмака, — полноте противиться, постель уж застелена. Пожалуйте, гости дорогие.

Волкан небрежно скинул с себя руку незнакомки. Едва коснувшись её, он ощутил странное чувство тревоги и поскорее отдернул ладонь.

— Никита, нам пора, — серьёзным тоном обратился ведьмак к своему попутчику и потянул его за собой.

— Ну, Волкан, — занудел Никита, выворачиваясь из хватки, — что ты ей-богу. Мы же искали ночлег, вот он.

— Нам нужен другой дом, — увещевал парня ведьмак.

— Чем же тебе мой негод, молодец? — поблёскивая в

темноте глазами, обратилась к Волкану женщина.

— Никита, недосуг мне с тобой изъясняться. Сказываю, надо идти — значит, надо! — проигнорировав вопрос незнакомки, произнёс ведьмак. — Или ты сейчас идёшь со мной, или завтра я отправляюсь один.

Услыхав, что ведьмак может уйти в Пятигорье без него, Никита вмиг протрезвел. Он уже хотел было последовать за Волканом, как вдруг женщина мягко перехватила его ладонь и, положив её себе на талию, что-то прошептала на ухо парню.

— Ну и иди! — вдруг резко выкрикнул Никита. — Тоже мне, нашёлся провожатый! Без тебя доберусь до Пятигорья, чай не маленький.

Дальше слушать Волкан не стал. Развернувшись, он пошёл к дому, где играли свадьбу.

— Волкан, — уже не так по-геройски окликнул его Никита, но ведьмак даже не обернулся.

— Ну и проваливай, — махнул на него рукой парень и, увлекаемый незнакомкой, скрылся в темноте её дома.

Ведмак подошёл к дому молодожёнов и бабки Аксины. Столы уже разобрали, молодых отправили спать. Старшее поколение наводило во дворе порядок.

— Вернулся? — завидев парня, произнесла старушка. — А я уж думаю, куда запропастился. И где ж второй?

— Другой ночлег сыскал, — хмуро отозвался Волкан.

— Ну что ж, другой так другой, — спокойно сказала та,

— пойдём со мной, милоч. Суетной день, закончить бы его поскорее.

Она прошла вглубь двора и, отворив калитку, провела Волкана в небольшую пристройку, на манер сарайки. Там, у самой стены, была навалена куча свежего душистого сена, поверх которого было брошено то ли одеяло, то ли дерюга какая.

— Не обессудь, — развела руками старушка, — сам видишь, в какое время попал. Совсем в доме места нет.

— Да мне так даже лучше, — успокоил парень старую женщину, — уходить рано буду, чтобы не разбудить кого ненароком. Спасибо вам за кров да за угощение.

Пожелав Волкану доброй ночи, бабка Аксинья оставила его в одиночестве.

Растянувшись на сене, ведьмак закрыл глаза и постарался заснуть. Сквозь щели в стенах пробивался лунный свет, рисуя на полу узор из серебряных полос. В углу стрекотал сверчок, напевая свою однообразную песню. Сон не шёл. Волкан ворочался с боку на бок. В голове юркой мышкой носилась мысль о том, что прикосновение к незнакомке подняло внутри него волну тревоги. Не меньше этого распаляла злоба на Никиту. Он теряет из-за неуклюжего попутчика драгоценное время! Нянчиться с ним, как с дитём. «А ведь он и есть дитя, — вдруг подумалось ему, и сразу стало стыдно за свою злобу. — Чего он в жизни видел? Мамки да бабки, подушки пуховые. А сейчас враз как кур в ошип попал. С серьёз-

ными делами и не встречался ни разу». Такие размышления вконец размягчили сердце Волкана, и он решил, что завтра с утра вернётся к дому черноволосой незнакомки, чтоб забрать Никиту с собой. С тем ведьмак и заснул.

«Проснись, Волкан! Беда вот-вот стрясётся!» — раздался громкий окрик, и ведьмак резко сел. Ещё не понимая, что случилось, он крутил головой, пытаясь сбросить остатки сна.

На дворе ночь держала права. Волкан точно знал, что его разбудил голос матушки! В том, что Агния незримо присматривает за сыном, он был уверен. Ведьмак потрянул головой и окончательно сбросил сонное наваждение. Вокруг стояла тишина. Никакой опасности рядом Волкан не ощущал. Тогда о какой же беде предупреждала мать?

«Никита!» — вновь раздался в голове знакомый голос, и по телу ведьмака пробежал холодок. Он вспомнил о черноволосой незнакомке, которая настойчиво звала к себе подвыпившего Никиту.

Парень вскочил на ноги и, бесшумно выбравшись из сарайки, двинулся по направлению к дому, где ночевал Никитка.

Укутанная серебристым туманом, деревня спала. Где-то рядом, услышав звук шагов, лениво брехнула собака и замолчала. Низко над крышами висела огромная, круглая луна, заставляя избы отбрасывать на землю длинные тени.

Спустя пару минут ведьмак стоял у калитки нужного дома. Вопреки его ожиданиям, одно окно в доме освещалось

тусклым светом свечи. Одним прыжком перемахнув через хлипкий плетень, Волкан прокрался под окно и, стараясь остаться незаметным, заглянул внутрь.

То, что он увидел, заставило волосы на голове приподняться. Двое, находившиеся в комнате, были слишком увлечены, чтобы заметить нечаянного свидетеля. По четырём углам комнаты, прямо на полу, были расставлены свечи. В центре расположилась кровать, на которой, блаженно улыбаясь и смотря в никуда, лежал обнажённый Никитка. Его тело было перепачкано чем-то тёмным. А прямо на нём сидела голая сморщенная старуха. Она подняла обе руки к потолку, и ведьмак заметил, как в одной блеснуло тонкое острое лезвие. Старуха выкрикнула незнакомое Волкану слово и, опустив руку с ножом, сделала надрез на плече Никиты. Парень этого не почувствовал, он продолжал так же пялиться в потолок. Старуха же отложила нож и, проведя ладонью по кровоточащему порезу, стала мазать себя кровью Никиты.

Волкан быстро сообразил, что ведьма проводит ритуал омоложения. А то тёмное, чем было перепачкано тело Никиты, оказалось кровью. Продумывать план магической защиты было некогда. Он осторожно толкнул ставни, моля богов, чтобы они оказались не заперты. И ему повезло. Тихонько скрипнув, окно распахнулось внутрь. Звук привлёк внимание старухи, но сообразить, в чём дело, она не успела. Со всего размаху ей по уху прилетела оплеуха такой силы, что, слетев с кровати, она кубарем откатилась в угол комнаты,

сбив одну из свечей, и затихла. Деревянная стена занялась огнём в считанные секунды.

Ведьмак схватил в охапку безвольного Никитку и подбежал к окну. Он вытолкнул его на улицу, бросив прямо на землю. Нужно было спасти старуху. Развернувшись, Волкан увидел лишь пустой угол, но в ту же минуту с другой стороны комнаты ему на спину запрыгнула ведьма. Она вцепилась в густую шевелюру парня одной рукой, другой же пытаясь расцарапать его лицо.

Огонь меж тем охватил уже большую половину комнаты. Ведьмак изо всех сил старался оторвать от себя визжащую ведьму. Налетев на угол кровати, он потерял равновесие и упал на пол, придавив старуху всем своим весом. Этого хватило, чтобы ведьма разжала руки, а Волкан, вскочив на ноги, бросился к окну. Там маячил Никита, пришедший в себя от падения и ночной прохлады. С перекошенным от страха лицом он тянул руки внутрь комнаты, пытаясь ухватить Волкана и помочь ему выбраться. Ведьмак успел выскочить в тот момент, когда языки пламени окончательно поглотили комнату, где без сознания лежала старуха.

Медлить было нельзя. Попадись они сейчас на глаза кому из жителей деревни, их обвинят в поджоге, и тогда им точно несдобровать. Волкан крепко ухватил под руку Никиту и бросился в темноту ночи, прочь от пылающего дома. Им повезло. Пробираясь к сарайке бабки Аксины, они не встретили ни единой души. А сушившиеся в огороде после стир-

ки хозяйские вещи окончательно сыграли на руку.

Волкан приказал Никитке залезть в сено, а сам быстренько сорвал с верёвки мужскую рубашу и портки, спрятав их в углу. Тишину ночи разорвал тревожный звук колокола, оповещавший о возникшем пожаре. Сонные люди выбегали из домов. Женщины причитали, мужики бежали к колодцу с ведрами.

Дом бабки Аксины, утомлённый праздничным гулянием, проснулся не сразу. Разбуженные криками и колоколом, домочадцы один за другим шли на помощь соседям. Как только хозяева ушли, Волкан, улучив момент, позвал Никиту на улицу и, подведя к бочке с дождевой водой, обтёр следы крови с его тела. Раны продолжали кровоточить. Заведя Никиту обратно в сарайку, ведьмак уложил его на сено, закрыл глаза и принялся водить руками над порезами. Мало-помалу кровь перестала сочиться, а сам Никитка, видимо от пережитого кошмара, забылся тревожным сном.

Волкан ещё немного поколдовал над парнем и решил выйти на улицу, посмотреть, что там сейчас происходит. Люди стояли около догорающего дома. Высоченные языки пламени устремлялись ввысь, выплёвывая в темноту ночного неба россыпи искр. Уже никто не лил воду на догорающий дом. Все внимательно следили, чтобы пламя не перекинулось на соседские постройки. Но Бог миловал, и, к счастью, ветра в ту ночь тоже не было. Огонь поглотил лишь один дом.

В толпе Волкан заметил бабку Аксиныю и тихонько подо-

шёл к ней со спины.

— Из дома все спаслись? — почти шёпотом спросил он, наклонясь к самому уху старушки.

От неожиданности Аксинья дёрнулась и быстро закрестилась.

— Так некому спастись-то, — ответила она и, видя непонимание на лице молодого мужчины, добавила: — пустой дом стоял. Хозяйка прежняя, Капитолина, померла года с два назад, от старости. А родни не имела, вот и пустовала изба.

Больше Волкан ничего спрашивать не стал, чтоб не вызвать подозрения. Обратно он возвращался с бабкой Аксиньей и её домочадцами.

— Матушка, — стоя перед дверью в сарайку, обратился ведьмак к старушке, — рано утром уйду, не свидимся боле. Спасибо тебе за приют и заботу. Век помнить буду.

Бабка Аксинья кивнула ему в ответ, а тот, приклонив голову в знак почтения, скрылся в темноте сарайки. Никитка лежал в том же положении, в котором его оставил Волкан. Парень тяжело дышал. Ведьмак приложил руку к его лбу — жара не было. Ещё раз поведив ладонями над телом Никиты, Волкан притулился на сене рядом и закрыл глаза.

Солнце едва осветило край небосклона, окрасив небо в нежно-розовые тона. Ведьмак проснулся и разбудил Никиту. — Как ты себя чувствуешь? — спросил ведьмак. Никитка сел и, немного повременив, ответил:

— Вроде ничего, голова вот только как камень тяжёлая и болит.

— Боль твою в дороге сниму, — произнёс Волкан, поднимаясь на ноги, — уходить нам надобно, чтоб без глаз лишних, а то заметят тебя в одежде хозяйской, поди потом придумай почему.

Никитка тоже поднялся с сена и начал натягивать на себя снятую с бельевой верёвки одежду. Задрав руки вверх, он застонал и поморщился. Тело ныло, порезы на плечах и груди саднили.

— Некогда, Никита, стонать. Уходим из деревни, а в дороге я постараюсь облегчить твои страдания.

Никитка засопел и, сцепив зубы, кое-как натянул на израненное тело рубаху. Штаны оказались немного длинноваты, но выбирать не приходилось. Открыв дверь сарайки, Волкан вышел навстречу утру первым. Убедившись, что никого нет, дал знак Никите, и вместе они поспешили прочь из двора бабки Аксины.

Утренний туман вперемешку с дымом от тлеющего пепелища белым покрывалом расползлся по траве. Вдалеке запел петух, возвещая о начале нового дня.

Никитка бросил взгляд на то, что осталось от избы. Ему хотелось задать своему попутчику много вопросов, но Волкан спешил вперёд, и Никитка, решив немного повременить с расспросами, устремился за ним.

Глава 4

Летнее солнце с самого ранья теплом укутывало так, что к полудню порой уже и невмочь было идти под его палящими лучами. Но Волкан спешил, желая пройти как можно большее расстояние.

— Не пойму я, Волкан, ты куда так гонишь? — спросил Никита, еле поспевая за спутником.

— А подальше отсюда, — через плечо бросил ведьмак. — И вообще, если бы не ты, я бы уже давно большую часть пути прошёл. То крышу ему подавай, — бухтел он, — то устал он, привал найди, а то и вовсе с деревенской девкой миловаться удумал. Понравилось?

Никита уже почти перешёл на бег, догоняя попутчика, который с каждым шагом распалялся всё сильнее.

— Да постой ты! — вдруг схватил Волкана за руку Никита. — Не пойму я, ты чего огрызаешься? — продолжил он. — В чём я виноват перед тобой? Тем, что спать под крышей захотелось? Кто же знал, что так обернётся! У меня столько вопросов к тебе, я не понимаю, как вообще возможно то, что со мной случилось!

И тут Волкану вновь стало стыдно. Ведь и правда Никитка ни в чём не был виноват. Неискушённый жизнью и женским вниманием, конечно, он сразу же попал под чары незнакомки. Сам на себя ведьмак теперь злился. Ведь чувал подвох от

женщины, но не обратил на это внимания. Шумно вздохнул он, выпуская обиду.

— Прости, Никита, — положив широкую ладонь на плечо парня, произнёс Волкан. — Ты и правда ни в чём не виноват. На себя злюсь, что попался ты на крючок, а я ничего не предпринял.

— В каком смысле? — не понял Никитка.

— А в прямом, — ответил ведьмак. — Лежать бы тебе сейчас на задворках да червей собой кормить. После обряда проведённого не жилец бы ты был. Я ведь почуял тревогу, но влезать и разбираться не стал.

— А ты не знаешь, Капу вытащили? — как-то виновато спросил попутчик. — И что это вообще было? Что за старуха оказалась в доме, зачем она меня ножом резала?

Волкан бросил на спутника многозначительный взгляд, размышляя, стоит ли вообще развивать эту тему. Но, решив, что это должно стать Никитке наукой, ответил:

— Давай-ка на привал остановимся, я тебя подлечу малость да расскажу, что произошло.

Пройдя ещё немного и выбрав место в тени деревьев, путники расположились на отдых. Лучи пробивались сквозь берёзовую листву, рисуя на земле узор из светлых и тёмных пятен. Где-то над головами заливалась птица. Никита выбрал место поровнее и лёг на траву, а Волкан, склонившись над ним и делая пассы руками, начал рассказ:

— Бабка Акси́нья сказывала, что дом пустовал вот уже

как два года. Жила там прежде некая бабка Капитолина.

— Как пустовал? — перебил его Никита. — А что ж за старуха тогда в избе была и где моя Капа?

— Не перебивай, — нахмурил брови ведьмак, — или тебе не интересно?

Никитка поскорее захлопнул рот, предоставляя слово попутчику.

— Так вот твоя Капа этой старухой и оказалась! Жила она там, да вроде как померла. Только, по моему уразумению, не померла она вовсе, а, будучи ведьмой, хитро всех вокруг пальца обвела. Скорее всего, жила уже где-то в другой деревне, а сюда захаживала, когда появлялась нужда обряд провести. Молодой да цветущей никто её не узнавал, тем более что для обряда нужна молодая кровь. А значит, и искала она себе жертву среди тех, кто, может, и не застал её при жизни вовсе. А тут всё к одному: и свадьба, и мы пришлые. Она ведь и меня попервой прощупать пыталась, да я непрогляд поставил, а ты лёгкой добычей оказался. Под чары быстро попал. Не разбуди меня матушка оповещением о тревоге, до последней капли крови бы тебя иссушила и убралась восво-яси, до следующей потребности.

— А часто она, эта потребность-то, случается? — не выдержав, перебил Волкана Никита.

— Не особливо, — покачал головой ведьмак. — Ежели чин по чину справить, то почитай на пару лет бы точно хватило.

— А почему ж она тогда сначала молодой была, а потом, стало быть, в старуху превратилась? — продолжал любопытствовать попутчик.

— Так обряды завсегда проводятся в истинном виде, — терпеливо пояснял Волкан, — перед Силами в маске ходить негоже. Им суть твоя нужна, тем паче в работе с тёмными. Вот она и явила себя настоящую. А по окончании из дома бы уже молодкой красавицей выходила. Посему, Никитка, говорю тебе со всей серьёзностью: неопытен ты, а путь наш долог, и всяко случиться может. Ты больше супротив моих слов и просьб не становись. Я тебе зла не желаю, но и как с дитём возиться не буду. Свою голову иметь надобно и меня придерживаться. Так, глядишь, дойдём до Пятигорья и возвратимся живыми, здоровыми.

Волкан замолчал. Молчал и Никита, укладывая в голове случившееся. То, что мог он не пережить эту ночь, холодило сердце. Ведьмаку и благодарен был за спасение, да всё ж таки, избалованный характером, злился он на попутчика.

«Сам-то опытен в жизни, — думал он, — а со мной возиться ему, видите ли, не хочется. Мог бы и уговорить, чтоб с Капой этой я не пошёл, раз беду чуял». И хотелось Никите высказать свои думы Волкану, особенно когда при неловком движении чувствовал боль от ран, нанесённых острым ножом ведьмы. Да только тут же гнал от себя эту мысль. Всё ж таки и жив он сейчас благодаря ведьмаку, ведь не бросил, как грозился.

Из тяжёлых мыслей его вывел голос Волкана, сказавшего, что пора в путь собираться да успеть за день пройти как можно больше. И, покряхтев, Никитка поднялся с земли, отметив, что после помощи ведьмака раны болеть стали намного меньше. Но говорить ему об этом не стал, из вредности.

Солнце палило нещадно. Спасительная тень деревьев осталась позади. А дорога их, как назло, петляла среди полей, в которых от жары было не укрыться. Долго шли, Никита от зноя уже еле ноги волочил.

— Ещё немного, и будет деревня, — через плечо бросил ведьмак, обращаясь к спутнику.

— Мобыть ну её, деревню эту, — утираясь от пота, ответил Никита. Всю дорогу он обращался мыслями к словам Волкана о том, что удумала старая ведьма. И от дум этих волосы парня шевелились. Знамо ли дело, такое замыслить! Никита поспешал за попутчиком, думая о том, как хорошо, что он избежал неминуемой гибели.

— А где ж на ночлег остановимся? — замедлив шаг, спросил Волкан, услышав, что не хочет Никита в деревню на постоя проситься.

— Как где? — деланно безразлично ответил парень. — Глянь, сейчас жара какая, и на небо глянь, ночи тёплые. Авось с костерком где устроимся, под деревом.

И хоть Волкан понимал, что Никитка просто трусит вновь нарваться на приключения, только грядущей ночью под открытым небом оставаться было нельзя. Опытный глаз ведь-

мака сразу определил надвигающуюся грозу, хоть сейчас на небе не было ни облачка.

— Нет, Никита, сегодня никак нельзя без крыши ночью, — положив руку на плечо своего спутника, произнёс Волкан.

Никита ничего не ответил, выбора у него не было, стоило держаться к ведьмаку поближе. Вздохнув и смирившись, парень поплёлся за ним.

Пройдя ещё какое-то время, они приблизились к деревне. Вечернее солнце золотило всё вокруг. Над огородами кружили птицы, ища пристанище на грядущую ночь. Как и прежде, Волкан не постучал в первый попавшийся дом, а пошёл вдоль длинной улицы в поисках особенной избы.

Таковая нашлась в середине деревни. Едва парни приблизились, как дверь распахнулась, и на улицу вышел крепкий мужчина. Не молодой, он мог бы сойти ребятам за отца. Мужчина внимательно уставился на чужаков.

— Мира в дом, отец, — начал Волкан, — позволь ночь под крышей твоей скоротать. Гроза близится, сделай милость, не прогони.

Услышав про грозу, Никитка поднял лицо к небу, всматриваясь в ясную голубую высь. Ему было совсем непонятно, с чего Волкан заговорил про ненастье, на горизонте не было ни облачка.

— Гроза, говоришь? — с вопросительным тоном пробасил мужик. — Знать, не зря колени разболелись. Ну что ж,

так тому и быть, заходите, место для ночлега выделю.

И путники, сопровождаемые хозяином дома, вошли внутрь двора. Везде царил порядок, говорящий о том, что хозяйка в доме точно есть и, скорее всего, не одна. Так и оказалось: встречать гостей вышла дородная немолодая женщина и девушка возрастом немного моложе Волкана и Никиты.

— Марьяна Никитична, — представилась женщина и по совместительству жена хозяина дома Степана Ивановича. — А это Нина, наша дочь.

Нина кротко кивнула головой и, всхлипнув, поспешила удалиться за занавеску, служившую дверью в кухню.

Но и этого короткого мгновения Волкану хватило, чтоб увидеть красоту девушки и её красные от слёз глаза. Сразу ведьмак решил не открываться. Поздоровавшись с хозяйкой, он обратился к Степану с вопросом, где им можно помыться с дороги. Мужчина увёл путников в баню, а Марьяна Никитична принялась хлопотать к ужину.

Охолонувшись с дороги прохладной водицей, Никитка словно вздохнул полной грудью. В ту ночь, когда загорелся ведьмин дом, он только и успел наскоро стереть с себя сажу да пот — следы душевных часов, проведённых в её избе. Сейчас же он с наслаждением смыл всё это, настрого запретив себе даже смотреть в сторону хозяйской дочери. Выйдя из бани, Никита подошёл к Волкану и Степану Ивановичу.

Мужчины сидели на пеньках, прислонившись спинами к бревенчатой стене сруба и тихо беседуя. Проваливаясь за

горизонт, солнце бросило последние лучи на надвигавшуюся с востока тучу, подкрашивая её в тёмно-фиолетовый цвет. Потихоньку поднимался ветер, даря изнурённой от жары природе спасительную прохладу. Никита отметил про себя, что и тут Волкан оказался прозорливее, за несколько часов предугадав грядущую грозу. Присев на свободный пенёк рядом с мужчинами, Никита обратился вслух, пытаясь уловить нить разговора.

— Кто его знает, — пожал плечами, говорил Степан, — как сквозь землю провалился. Они ведь мечтали о свадьбе к осени, опосля уборки-то. А он взял да и пропал.

— А давно? — поинтересовался Волкан.

— Пятого дня, — ответил мужчина, — с вечера попрощался, и больше и не видели Ерошку. Нинка места себе не находит, все глаза выплакала. Антонина, мать Ерофея, тоже вся извелась. Не молодая ведь, одной на старости остаться — то ещё удовольствие. Ерофей у ней единственный был. Тьфу-тьфу-тьфу, — вдруг резко сплюнул Степан, — не был, а есть, может, вернётся ещё. Только Верка одна довольная ходит.

— А Верка это кто? — вновь задал вопрос Волкан.

— Подружка бывшая нашей Нинки-то. Пока их одна любовь на двоих не развела по разные стороны, они вместе гуляли. Ерофей парень видный, рукастый, в деревне любая девка была бы рада такому мужу. А он сызмальства в Нинку нашу влюблён был, да и она его любила. Правда, стоит

сказать, что давеча Верка к Нинке моей приходила, мол, подружками ежели больше не будем, так хоть давай врагами не останемся, дескать уступает она Ерофея Нинке-то. А теперь вон оно как. Сгинул парень, как и не бывало.

— Может, сам ушёл? — подал голос Никитка, сообразив, о чём беседовали мужчины. — Мало ли, всяко бывает.

— Может, и сам, — хмуро ответил Степан, — нам от этого не легче. Нинка-то моя молодая, перегорит, да и новый жоних сыщется, а вот Антонину жалко, изведётся сердце материнское от неизвестности.

Оглушающий раскат грома заставил всех троих вздрогнуть. Ломаная стрела молнии блеснула в чернеющем небе. Усиливающийся ветер играл с листвою, неся с собой запах приближающегося дождя.

— Эко ты про грозу-то, — удивлённо хмыкнул Степан Иванович, хлопнув Волкана по плечу. — Ну, пойдёмте в дом, там уж Марьяна ужин сготовила.

Ужин и правда дожидался их на столе. Дымилась варёная картошка в глубокой глиняной миске. Ломти тёмного ржаного хлеба лежали рядом с зелёными луковыми перьями. Варёные яйца стояли тут же, уложенные на плоскую деревянную тарелку.

Степан сел первым, за ним последовали гости. Последней на лавку примостилась Марьяна Никитична.

— Выходила? — коротко бросил Степан Иванович, обращаясь к жене.

Та в ответ отрицательно покачала головой и как-то горько вздохнула.

— Нина, не дури, — громко обратился к дочери Степан, — с утра ничего не ела. Не серди меня!

Занавеска шевельнулась, и Нина, выйдя из соседней комнаты, послушно села за стол.

— Хоть яичко, доченька, — ласково произнесла мать, погладив Нину по спине.

Девушка протянула руку, взяла яйцо и, продолжая молчать, начала ковырять скорлупу.

Волкан рассматривал её припухшее от слёз лицо. Сердце ведьмака заныло от жалости. Завсегда Волкан был за искренние чувства да любовь взаимную. И сейчас он ощущал ту тоску, которая снедала Нину.

— Неужели никто с деревни не видел, как Ерофей уходил? — вдруг спросил Волкан.

От звука имени любимого Нина дёрнулась, как от удара хлыстом. Она подняла на ведьмака глаза, полные слёз. Отложив яйцо в сторону, девушка встала и, бросив короткое «простите», выбежала из комнаты.

Никитка сидел замерев. Ему явно не нравилось, что Волкан так прямо влезал с вопросами, понимая, что девушка очень переживает.

— Ни одна душа не видела? — настойчиво повторил свой вопрос Волкан.

— Ну почему никто, — хмуро отозвался Степан, — дед

Пантелей видел его рано утром. Сказывал, что через луг к лесу шёл. Только не мог Ерофей в лесу заблудиться, он рождён тут, каждую берёзу по коре с закрытыми глазами определит.

— Не мог заблудиться, — задумчиво повторил ведьмак и тут же перевёл тему: — А скажи, Степан Иванович, коль на пару дней у тебя останемся, шибко стесним?

— Да нет, — пожал плечами хозяин дома, — токмо вот колодец, может, подсобите починить. Нижний венец совсем сгнил.

— Это мы запросто, — улыбнулся Волкан.

За окном полыхнуло яркое зарево, и по земле застучали тяжёлые капли летнего дождя. Гром грохотал так, что, казалось, дрожали стены избы. Посидев ещё с десятков минут и увидев, что с ужином закончено, хозяйка убрала со стола. А Степан Иванович отвёл Никиту и Волкана в клеть. Там гостям и предстояло скоротать ночь.

Под убаюкивающий шум дождя и глухие громовые раскаты Никитку сморило в сон уже через пять минут. Волкан немного поворочался с боку на бок, обдумывая слова Степана и прислушиваясь к своим ощущениям. Но через некоторое время колыбельная дождя сморила и его.

Проснулся ведьмак с первыми петухами. Пытаясь не разбудить спящий дом, он осторожно вышел из клетки в сени, а оттуда на улицу. И нос к носу столкнулся с Ниной. Не ожидая столь ранней встречи, парень даже опешил.

— Ты почему не спишь? — пришёл ему на ум единственный вопрос.

— Не спится, — едва слышно ответила девушка, не глядя на Волкана.

Ведьмак проследил за её взглядом. Нина смотрела на лес.

— Ты тоже считаешь, что он не мог заблудиться? — спросил Волкан.

Девушка молча покачала головой, и по её щекам вновь заструились слёзы.

— Ну, полно плакать, — произнёс парень, взяв холодную ладонь Нины в свою горячую руку. — Я постараюсь помочь, сыщем твоего Ерофея, живым или мёртвым, но сыщем.

Нина не отдёрнула руку, а, наоборот, сильнее сцепила пальцы, будто хватаясь за последнюю соломинку надежды.

— Ты иди в избу, — произнёс Волкан, высвобождая руку, — мне тут походить немного надо.

Девушка послушно пошла в дом, а ведьмак направился к лесу.

— Вот спасибо, ребятки, — похлопал Степан по спине Волкана с Никитой, — шустро сподмогли.

Все трое стояли у колодца, венец которого уже был заменён. Никитка, не привыкший к физическому труду, обливался потом и был красным, как помидор. Первый раз в своей

жизни он выполнял такую работу. Да что там, увязавшись за Волканом, он вообще впервые брался за многое. Ведь не только там, где нечисть завелась, они останавливались. Где беда какая хозяйственная — плетень покосился, крыша ли прохудилась, про рубку дров и говорить нечего — всюду Волкан норовил подсобить. За ночлег, за еду, а то и просто так. Потому и руки у Никиты теперь были не те, что прежде. Он хоть и уставал с непривычки, костерил в сердцах попутчика на чём свет стоит, но всё же будто ощущал в своих руках иную силу, и ему это явно нравилось.

— А что, Степан Иванович, может, ты мне покажешь, где живёт дед Пантелей? Тот, который Ерофея вашего последним видел.

— А что ж не показать, — ответил мужчина, — не тайна чай. Только зачем тебе?

— Хочу спросить у него кой-чего, — пояснил Волкан, — может, помогу сыскать жениха Нины.

Степан Иванович бросил на ведьмака подозрительный взгляд, но больше ничего решил не спрашивать. Махнув головой, позвал молодых людей за собой и направился к дому деда Пантелея.

— А что, корзинка в руках у него была или иное что? — спросил Волкан тщедушного старичка с белыми как снег во-

лосами.

— Дык ничего не было, — покачал головой тот, — пустой он шёл.

— И ничего странного больше не видели? — продолжал допытываться ведьмак у деда.

Тот в ответ только пожимал плечами и отрицательно махал головой.

— Ну что ж, и на том спасибо, — закончил Волкан и направился прочь от дома деда Пантелея.

Он не успел дойти до ветхого плетня, как вдруг старик окликнул его:

— Постой! Вспомнил чего. Странного не видел, но слышал!

— Например? — не понял Волкан.

— Свистел Ерошка, да так затейливо, словно сама свиристель на плече его сидела.

Ещё раз поблагодарив старика, ведьмак вернулся к Степану и Никите, ожидавшим его возле забора.

— А теперь, Степан Иванович, — обратился к мужчине Волкан, — укажи мне на дом Веры, которая не поделила Ерофея с дочкой твоей. А сами домой возвращайтесь, не надо меня ждать.

Так и поступили. Степан лишь указал рукой на избу, в которой жила нужная ведьмаку девушка, и пошёл с Никитой восвояси.

Идти к Вере напрямую в планы ведьмака не входило.

У него уже была в голове версия, из-за чего пропал Ерофей. Осталось её только проверить. Волкану нужно было дождаться, когда Вера выйдет на улицу, и понаблюдать за ней. Вернее, за тем, что от неё исходит.

Как только Степан упомянул о неразделённой любви, ведьмак сразу смекнул, что без ворожбы да магии тут могло не обойтись. Больно уж внезапно исчез парень, без следа, и, что самое важное, крест свой нательный на подушке оставил.

Об этом ведьмак узнал после разговора с матушкой Ерофея.

Найти её избу не составляло для него труда. Её с домом Степана объединяла одна жива. Нина и мать Ерофея, Антонина, были словно связаны зеленовато-белёсой нитью, в народе бы её назвали тоской. Тем ранним утром, когда он столкнулся во дворе с Ниной, ведьмак как раз и пошёл к женщине, сразу после прогулки к лесу.

После беседы с Антониной, с дедом Пантелеем Волкан всё больше уверялся, что не сам Ерофей ушёл, а помогли ему. Только вот кто и как, ему предстояло разобраться. Очень хотелось посмотреть на Веру, не как обычно люди смотрят друг на друга, а по-особому, чтоб увидеть след, если таковой имелся. След этот был невидим простому человеку, а вот тому, кто был знаком с магией и силами тьмы, этот след был очевиден. По-разному видели след люди знающие. Кто-то по запаху определял, что обращался человек к Навьям, кто-то видел дымку вокруг человека, как тёмный туман окутывал

силуэт того, кто замарался о нечисть.

Вера не заставила себя долго ждать. Русоволосая девушка с длинной косой вышла из ворот, держа в одной руке ведро с водой. Она направлялась к неподалёку стоящей корове, которую надлежало напоить. Как Волкан и думал, словно рваные нитки водорослей в воде, за Верой тянулся след пепельно-чёрного тумана.

«Знать, обращалась всё-таки к тьме», — тяжело вздохнув, подумал Волкан и, оставив место своего наблюдения, пошёл к дому Степана Ивановича.

Первым делом ведьмак отыскал Марьяну Никитичну.

— А поясните мне, Марьяна Никитична, вот та Вера, про которую мне Степан Иванович рассказывал, колдовать умеет?

— Да что ты, милоч, — махнула рукой женщина, — откель ей это уметь? Ни в материнском, ни в отцовском роду у ей таких не было. Стало быть, и сама она без дара. А ты почему спрашиваешь?

— А в деревне у вас кто-то колдовать умеет? — проигнорировав вопрос женщины, вновь спросил Волкан.

— И в деревне никто, — ответила Марьяна Никитична. — Коль хвороба какая приключится, мы к бабке Наталье ходим, токмо она травница. К колдовскому делу руки не прилажены. А за такими делами, прости Господи, — женщина перекрестилась, — в село соседнее бабы бегают. Там, рассказывают, живёт одна колдовка, но сама не знаю, потому привирать не буду.

Удовлетворённый ответом, ведьмак оставил Марьяну Никитичну в огороде и направился в дом, чтоб переговорить с Ниной. Девушку он застал сидящей за прялкой. Едва завидев Волкана, Нина вскочила и уставилась на ведьмака полными надежды глазами.

— Подскажи-ка мне, Нина, батюшка твой сказывал, что приходила к тебе Вера мириться. Давно ль это было?

Девушка немного помолчала, вспоминая день последней встречи с бывшей подружкой.

— Так за несколько дней до того, как Ероша сгинул. Мы не то чтоб помирились, просто решили собаками друг на друга не зыркать. Поняла она, что Ерофей меня сам выбрал и любит.

— Внимательна ли ты к вещам своим, Нина? — задал неожиданный вопрос ведьмак. — Опося того как подружка бывшая ушла, ничего ли у тебя не пропало?

Задумалась Нина.

— Да я и не проверяла, — пожала она плечами, — и чего брать-то, ума не приложу.

— И всё же ты подумай, — настаивал Волкан. — Вещица твоя личная, может, или зеркальце какое.

Послушавшись ведьмака, Нина направилась в свою комнату. Скрипнула дверца шкафа, хлопнула крышка деревянной шкатулочки, звякнуло что-то стеклянное, и спустя минуту девушка вернулась в комнату.

— Заколки одной нет, — недоумевая, произнесла она, —

мне её Ероша с ярмарки привёз. Да сразу не отдал, а своими руками ещё кое-что доделал. Очень красивая была, резная, из дерева.

Рассусоливаться теперь было некогда. С момента пропажи Ерофея прошло достаточно времени, чтобы могло случиться непоправимое. В голове ведьмака сложилась полная история случившегося. Только озвучивать её вслух было нельзя. Он-то уйдёт из деревни, а людям тут ещё жить да уживаться. А случилось, по его мнению, вот что:

Не хотела Вера мириться с доставшейся ей участью. Набралась смелости да и пошла в соседнее село к ведьме. Попросила её устранить соперницу постылую и дала ей ведьма наказ, как поступить нужно. Пришла Вера в дом Нины якобы мириться, да только совсем другой умысел у неё был. Улучила время да и выкрала у Нины заколку, которую не раз у неё в волосах видела, зная, любимая была. А дальше по навету колдовки пошла в лес, прочитала заклинание да заколку оставила, как дар. Стало быть, предложила Лешему забрать Нину себе в услужение. Да только не подумала она, глупая, что заколка эта от искренних чувств была дарена. И несла она в себе силу любви Ерофеевой. Вот и получается, что Нину в заклад Лешему предложить хотела, а отдала самого Ерошу. А когда поняла Верка, что напуталось всё, видимо, и рукой махнула: чего горевать-то, ежели он и так ей не доставался.

Про лешего Волкан смекнул опосля разговора с дедом

Пантелеем, когда про трель птичью услышал. Понял он, что не птица то была, а пошёл Ерофей по зелёному свисту, коим леший к себе путников заманивает. Теперь уж ведьмак уверен стал, что искать парня нужно в лесу. Да не просто искать, а у лешего выменивать. Если, конечно, уже не поздно. Знал Волкан, что так просто не отдаст леший добычу, она его по праву, по договору, который с ним заключила Вера. Следовало уничтожить то, что скрепило этот договор — заколку. И тогда рухнут чары. Правда, в долгу леший вряд ли останется, обещанную душу всё одно себе заберёт, только теперь самой Веры это душа будет. Сама она себя с лешим связала, с чёрным умыслом к нему обратившись. Только вот леший сразу девушку может забрать, а может и через время. Потому проверить дело нужно было так, чтоб деревенские ничего не прознали да самосуд не устроили. А уж когда срок Верин придёт — не его дело, каждый должен отвечать за свои поступки. Для тех, кто к тьме за злом обращается, исход всегда один.

— Ты жди, Нина, сегодня всё узнается, — произнёс Волкан, поднимаясь со скамьи, и вышел из дома.

Никиту и Степана Волкан застал за разговором о рыбалке. Подойдя к ним с серьёзным видом, произнёс:

— Вот что, Степан Иванович, на странное да непривыч-

ное дело тебя позову. Только знай: если не опоздаем, вернём тебе зятя будущего. А уж коли опоздали, так хоть тело сына родного матери отдашь.

Степан аж побледнел от таких слов. Никитка лишь шумно вздохнул — зная, опять на чародейства Волкана потянуло.

— Попроси у хозяйки своей молока стакан, миску поплосше да мёда ложку — и в путь отправимся, до темноты успеть нам надобно.

Ни о чём боле не стал Степан Иванович расспрашивать Волкана. Пошёл в дом и через минуту вышел с просимым, сложенным в небольшой мешок. Туда же Волкан положил свои вещи, которые могли ему понадобиться. И отправились трое мужчин по направлению к лесу.

Солнечные лучи лишь изредка выпускали свои стрелы сквозь пышные белые облака. В лесу было душно и сумрачно. Пахло прелой листвой и грибами. Сидя на высокой сосне, кричала кукушка. Юркие ящерицы сновали под ногами, скрываясь в опавшей хвое.

Ведьмак шёл впереди. Завидев первый попавшийся дуб, он направился к нему. Забрав молоко у Степана Ивановича, Волкан растворил в нём мёд и, присев на корточки, налил немного в миску. Поставив миску на землю ближе к дубу, он негромко заговорил:

— Дух колючий, внемли мне, по договору древних сил приди ко мне. Стань моими глазами в чащах тёмных, стань моими ушами в листве шелестящей, стань моими ногами в

наждах болотных. Забери подношение и укажи путь.

Замолчав, Волкан поднялся во весь рост и, отойдя от дерева, вернулся к ожидавшим его мужчинам. Никита и Степан молча уставились на него.

— Ждём, — коротко бросил ведьмак и тоже замолчал.

Спустя лишь пару минут рядом раздалось негромкое фыркание, и из травы к дубу вышел крупный ёж с белой отметиной на боку. Деловито поведив носом, совершенно не пугаясь стоящих рядом мужчин, ёж направился к миске с молоком и, громко фыркая, принялся лакать угощение.

— Благодарствую за провожатого, батюшка Велес, — громко произнёс Волкан и поклонился в пояс.

— Почему Велес? — уже почти привыкший к странностям в работе ведьмака, спросил Никита.

— А ты глянь на его бок, — пояснил Волкан, — часть иголок совсем белая. Такую отметину Велес-отец на своих сподручниках ставит.

Тем временем ёж выпил молоко из миски и, деловито показывая розовые пятки, направился в кусты. Ведьмак быстро подхватил опустевшую тарелочку, и мужчины последовали за животным.

Зверёк проворно шевелил лапками, юрко петляя под ветками раскидистых ёлок. Лес вокруг становился гуще и темнее. Солнечные лучи почти не проникали сквозь плотный полог деревьев, и лишь редкие золотые пятна играли на мшистых корнях.

Приблизившись к большому, невесть откуда взявшемуся в лесу камню, ёж замер. Волкан сделал жест рукой, чтоб идущие за ним Никита и Степан остановились, а сам подошёл к камню и, присев на колени, стал водить руками по земле прямо у его основания. Сантиметр за сантиметром ведьмак исследовал место вокруг, обогнул почти весь валун, как вдруг увидел небольшое углубление с одной стороны. Засунув туда руку, он вытащил резную деревянную заколку, испачканную землёй.

— А кто её туда спрятал? — увидев заколку в руках Волкана, спросил Никита.

— Леший, — ответил ведьмак и улыбнулся, — любит он всякие сокровища припрятать, имеет слабость.

Степан Иванович не мог вымолвить и слова, он таращил глаза то на Волкана, то на ежа, который так и не уходил от них далеко, будто не веря, что такое вообще возможно. Ведьмак тем временем положил заколку на камень. Подняв с земли несколько сухих хворостин, прямо на камне он развёл небольшой костерок. И как только палки разгорелись, он сунул деревянную заколку в самое сердце костра. Вспыхнув зеленоватым пламенем, она превратилась в пепел.

— Ну а теперь води дальше, — обратился Волкан к терпеливо стоявшему поодаль ежу.

И вновь торопливо зашевелив лапками, животное направилось вглубь леса. Степан Иванович лишь почесал затылок, но так и не произнёс ни слова.

Ёж убежал глубже и глубже в лес. Вокруг становилось сумеречнее. Всё чаще стали попадаться труднопроходимые буреломы, дышать становилось тяжелее. Вездесущие комары безжалостно нападали на путников. Никитка, весь в красных волдырях, беспрестанно чесался и махал руками в надежде разогнать назойливый гнус.

Когда вся процессия в очередной раз наткнулась на стену из поваленных деревьев, ёж остановился. Волкан всё понял. Он снова достал миску и, отойдя подальше, вылил остатки молока, предлагая их ежу. Больше ведьмак в его помощи не нуждался. Вернувшись к завалу, он начал осторожно, одну за одной, разгребать ветки и тонкие деревца. Степан Иванович присоединился к нему и тоже начал растаскивать завал.

Стоило им немного проредить ветки, как они увидели две человеческие ноги. Доселе не проявлявший признаков религиозности, Степан Иванович перекрестился. Подозвав Никиту, втроём они осторожно вытащили из-под завала тело парня. Это был Ерофей. Через его неестественно бледную кожу были видны зеленоватые прожилки.словно паутина, разбежавшаяся по телу, они складывались в ужасающий узор.

— Как посмел ты, человеке, на мою добычу посягнуть? — вдруг громогласно раздалось совсем рядом.

И земля под ногами заходила ходуном. Откуда ни возьмись поднялся сильный ветер, раскачивая кроны деревьев, заставляя их жалобно скрипеть, сгибаясь под его стреми-

тельными порывами. Никитка со страху повалился на землю, закрыл голову руками и трясся, как испуганный заяц. Степан упал на колени и ежесекундно крестился, глядя куда-то вверх обезумевшими от страха глазами.

Прямо перед ними, ростом достигая середины деревьев, стоял Леший. Покрытый мхом и корявыми ветками, с горящими, как угли, глазами, он возвышался над людьми и был совсем недобро настроен. Вокруг него вихрем кружили сухие листья.

— Прекрати! — рявкнул Леший, и рядом со Степаном, буквально в нескольких сантиметрах от него, рухнула молодая сосенка.

Волкан подбежал к мужчине и схватил его за руку, непрерывно осеняющую себя крестным знаменiem. Видимо, сообразив, что от него требуется, Степан замер, и ведьмак почувствовал, как дрожит его тело.

— Как посмел ты?! — вновь зарокотал Леший.

— Не серчай, Хозяин Чащи, — в почтении преклонив колени и опустив голову, обратился ведьмак к лешему, — только нет у тебя больше власти над этим человеком, разрушен договор. Позволь нам его забрать. Я ведь знаю, что без добычи ты всё одно не останешься. Сделка не с Ерофеем была заключена. Отпусти, а в придачу могу откуп тебе дать, знаю, чего хочешь, Царь лесной.

— Знаешь? — прошипел леший и стал наклоняться. Приблизив свою огромную косматую голову почти вплотную к

лицу Волкана, он зловеще прошептал: — Крови твоей хочу, ведьмак!

И тут же к ногам Волкана упал маленький стеклянный пузырь. Ведьмак покорно поднял его, достал из мешка нож и, полоснув себе по ладони, накапал в него крови. Заткнув пузырь пробкой, он подбросил его вверх. Корявая лапа лешего подхватила откуп, и в следующий миг всё исчезло. Ветер стих, лес погрузился в тишину.

Взглянув на лежащего в беспамятстве Ерофея, Волкан громко скомандовал:

— Быстро разводим костёр.

Никита и Степан, будто очнувшись от дурмана, начали собирать сухой валежник. Спустя десять минут огненные языки пламени рвались в небо, обдавая всё вокруг жаром. Ведьмак перетащил Ерофея как можно ближе к огню. Встав на колени рядом с ним, он воздел руки к небу и громко произнёс, глядя прямо в пламя:

— О великое вечное пламя, творение Богов и Света, искра жизни — живая и яркая, яви свою силу. Как пожираешь ты, что попадается на твоём пути, так уничтожь и путы забвения, что сковали тело. Как даёшь ты тепло для жизни, так возроди и сознание, белым пленом укутанное. Как ты не боишься тьмы, так и телу сему помоги избавиться от слабости!

Закончив, Волкан протягивал руки к огню, словно напивая их его теплом, и растирал лежащее рядом тело Ерофея. Постепенно кожа юноши стала розоветь. Зеленоватые

прожилки исчезали на глазах.

Меж тем Степан решил не терять времени. Он вместе с Никитой мастерил лежанку, на которой можно было бы вынести бесчувственного Ерофея из леса. Мужчина снял с себя рубаху, разорвал её на тонкие длинные лоскуты, чтобы связывать между собою ветки.

Спустя три часа, уставшая, покусанная гнусом и мокрая от напряжения, вся процессия вышла к краю леса. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые и золотые тона.

Степан и Никита несли Ерофея — тот ещё не пришёл в себя, но выглядел уже куда лучше. Волкан шёл рядом. Они взяли курс на виднеющиеся крыши деревенских домов.

Глава 5

— Это что ж теперь, леший над тобой силу имеет и чего хочешь сделать может заставить, раз твоя кровь у него? — приставал Никита с вопросами к ведьмаку.

Волкан аж глаза закатил от услышанного.

— Ну и выдумщик ты, Никитка! — покачав головой, изумился он. — Слышишь звон, да не знаешь, где он.

— Так поясни тогда, для чего твоя кровь лешему понадобилась, — не унимался попутчик.

— Штука в том, что леший хоть и бывает свиреп, да только охоч он до общения, — терпеливо пояснял Волкан.

— И чего? Не пойму, к чему ты клонишь? — вновь спросил Никита, силясь понять логику ведьмака.

— Экий ты непонятливый, друг! Это летом Лешему раздолье. Много людей по лесам бродят, тут тебе и развлечение, и общение, коль захочется. А зимой, когда стужа тропы заметает, грустит он. К избам людским подойдёт, а попроситься внутрь не может — нельзя ему. Нужно, чтоб сам человек его увидел да зазвал. А вот ежели есть у него кровь человеческая, то капнет он её в зелье особое, прикинется путником замёрзшим, да и сможет произнести заветное: «Пустите, люди добрые, на постой». Тут тебе и беседы, и угощение. А уходя, ещё и уголька горячего из печи невзначай прихватит — любит он тепло-то.

— Чудно, — хмыкнул Никитка, когда Волкан замолчал и тоже погрузился в свои мысли.

Как бы ни было ему трудно идти в такую даль, с непривычки-то, как бы ни злился он иногда на спутника, а только в душе у него радость трепетала. Эвано сколько всего повидал, кой-чему научился. Могло ли с ним всё это приключиться, продолжай он сидеть дома, под отцовской опекой? Конечно же нет!

«Всё-таки неплохой он, — подумал Никита, взглянув искоса на идущего чуть впереди Волкана, — добрый, хоть и ведьмак, за других радеет». И, прибавив шагу, парень поспешил поравняться со своим попутчиком.

Утро плавно перетекало в день. По дороге, словно сопровождая путников, летали стрекозы с переливчатыми крыльями. Вдалеке, среди колосьев, перекликались перепела, и их голоса разносились на всю округу. Пятигорье становилось ближе.

Горячий ветер поднимал с дороги пыль и песок, норовя попасть под свободного покроя одежду путников. Волкан видел, как изначально бодро шагавший рядом Никита теперь еле поспевал за ним. Если бы не попутчик, возможно, Волкан вообще бы передвигался только вечером да ночами, чтобы избегать изнуряющей жары. Но с его спутником ночами было бы слишком много мороки. Никита был трусоват, а в темноте шагать вдоль лесов — то ещё удовольствие. Увидев, что Никитка совсем стал отставать, ведьмак обратился

к нему:

— Давай немного пройдем, и глядишь, место для ночлега присмотрим. Чует мой нос запах реки. Сполоснуть пыль дорожную не помешало бы.

— Реки? — всколыхнулся Никита. — От неё холодом к вечеру повеет. Нет уж, давай хоть в поле остановимся. Не хватало ещё захворать.

На том и порешив, двинули путники дальше.

Немного прошли, дорога вверх по холму запетляла. А как на самую макушку поднялись, так и увидели, что правее по склону, аккуратно из перелеска, речушка неширокая течёт. Берега её густо поросли плакучими ивами, чьи ветви зелёными косами касались самой кромки воды. А левее раскинулось поле ржи, словно море, ширилось оно до самого горизонта. Ветерок чуть дунет, заколышутся мягкой волной посеы. Красота, да и только.

— Ну вот и поле, — удовлетворённо произнёс Волкан.

И путники стали спускаться ближе к нему. Пройдя немного вдоль, они выбрали место, где у самого края росло дерево, под ветвями которого можно было и ночь скоротать.

Пока Волкан ходил, искал хворост для костра, Никита, раскинув руки, завалился в сочную траву под деревом и пытался отдышаться. Долгие переходы ему тяжело давались, но роптать он не смел. Боялся, что обозлится Волкан и вовсе бросит его, а теперь уж пути назад нету.

Так время к вечеру подошло. Солнце к земле низко скло-

нилось, разукрашивая небо медью. Над полем кружили ласточки. Стрекот кузнечиков доносился со всех сторон. Наступала долгожданная вечерняя прохлада.

Путники развели костерок, достали снедь, которую после возвращения Ерофея, провожая ребят в дорогу, Марьяна Никитична заботливо уложила в узелок да отдала Волкану.

— Ты вот что, Никита, — обратился к парню Волкан, — посиди немного и спать ложись. А мне отойти нужно будет.

— Куда это? — насторожился Никитка.

— Требы мне родным Богам принести надобно, — спокойно ответил Волкан, как будто говорил о чём-то обыденном. — Место найти, которое под алтарь приспособить. А тебе сил набраться надо, нам опять весь день в пути проводить.

Никита ничего не ответил, лишь согласно кивнул.

Волкан доел печёную картофелину, взял из своей сумы свёрток с нужным для требы и пошёл в противоположную от их стоянки сторону.

Никитка меж тем шумно выдохнул, будто гора с плеч упала. Рядом с Волканом тяжело ему было, будто чувствовал вину, что навязался ведьмаку в спутники, да ещё и в переделку попал.

Закончив с едой, парень неспешно снял рубаху и портки, намереваясь стряхнуть дорожную пыль. Прохладный вечерний воздух охладил кожу, и Никита аж застонал от удовольствия. Натруженные долгой ходьбой ноги горели. Постояв

немного, подставляя тело прохладному ветерку, он уже хотел одеваться. И вдруг краем глаза заметил движение. С интересом Никита посмотрел в ту сторону и увидел, как по полю идёт молодая девушка в длинной льняной рубахе. Она направлялась в его сторону.

«Видимо, деревня совсем рядом, — смекнул парень, памятуя о реке, — а здесь местные купаться проходят».

Меж тем девица подошла совсем близко и удивлённо приподняла брови, заметив незнакомца.

— Здравствуй, красавица, — бодро начал Никита, радуясь тому, что хватило ума только верхнюю одежду снять. А то бы стоял сейчас нагишом перед незнакомкой.

— И тебе не хворать, молодец, — словно обрадовавшись встрече, ответила девушка и подошла к Никите совсем близко.

— Далеко ли путь держишь? — немного смутившись близостью, спросил парень.

— А к сестрице своей иду, на реку. Вечернюю зорьку встречать, — игриво ответила незнакомка.

И залюбовался Никитка красотой девичьей. Длинные волосы пшеничного цвета лежали на плечах плавными волнами. Губки, словно вишенки, алели на лице.

— Ну, — загадочно улыбнувшись, спросила она, — посмотрелся?

Никитка смутился и тут же отвёл глаза.

— Ха-ха-ха, — звонко рассмеялась девица, — неужто за-

стыдился? Ты что тут делаешь?

— Так это, — мямлил парень, — привал устроил. Устал с дороги, вот и решил отдохнуть, под сенью дерева пристанище на ночь найти.

— На ночь, — повторив за ним, ещё шире улыбнулась незнакомка, — а не скучно одному, ночью?

Она игриво коснулась рукой плеча Никиты, зазывно посмотрев в глаза.

— Как же не скучно, — вмиг приободрился Никита, напрочь забыв про историю с ведьмой, — один в поле, ясно дело, мало радости.

— Так, может, я тебе компанию составлю? — продолжая заигрывать, произнесла незнакомка и, развернувшись, пошла обратно в поле, плавно качая бёдрами.

Отойдя чуть подальше, девушка развязала шнурок на воротах, и рубаха соскользнула с тела, открывая перед остолбеневшим Никитой красоту девичьих изгибов. Медленно она шла по ниве, колосья, доходившие ей до бедра, нежно касались её золотистой кожи. Затем красавица обернулась и, одарив парня взглядом, полным желания, поманила Никиту за собой.

У неискушённого женским вниманием Никиты аж испарина на лбу от волнения выступила. Где это видано, чтоб девушка при незнакомце сразу разделась. Но медлить он не стал. Волкана нет рядом, а значит, и догляда нет. Тем более что девица молодая совсем, хрупкая, никаких опасений в голове

у парня не возникло. В секунду скинул он с себя исподнее и в чём мать родила бросился за незнакомкой в поле.

Девушка стояла от него в некотором отдалении. Длинные волосы лежали на плечах мягкими струями, ниспадая вниз, покрывая собой женские прелести.

Она поманила парня к себе, рукой бесстыдно откидывая волосы за спину и проводя ей по груди. В висках у Никитки застучало, внизу живота приятно заныло, и он двинулся навстречу красавице. Он шёл и шёл, но почему-то девушка не становилась ближе.

«Ха-ха-ха-ха», — вдруг мелодично рассмеялась она и, раскинув руки, как в воду, упала в колосья, растворившись в них. Зашелестел ветер в посевах, зашумела листва у оставшегося далеко позади дерева, и растаял в сгустившейся ночи мелодичный смех.

С глаз парня как морок спал. Оглянувшись Никита — не поймёт, где он. Стоит в поле, а вокруг плывут рваные клоки тумана, закрывая собой всё вокруг. Испугался парень, вмиг вспомнил, чем его ночь с ведьмой закончилась. Головой крутит, не поймёт, в какую сторону двигаться. Вечер только начал на землю спускаться, а тут вдруг тьма вокруг густая настала, ни зги не видно. Над головой, словно насмешка, загорелись первые холодные звёзды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.